

люди, которые встречались только в Сосногорске и про которых говорили, что они живут своими средствами. Это были темные личности, промышлявшие скупкой краденого золота» [с. 49].

Впечатляющий образ Сосногорска как своего рода маминского Рулетенбурга включает роман в традицию изображения игорной страсти – от Пушкина и Лермонтова до Достоевского. А что касается главного героя – игрока и адвоката Матова, то, пройдя испытания судебной системой и переменчивым отношением к себе дальних и ближних, он находит в себе внутренние резервы для возрождения. Роман завершается прощением – герой отправляется в Сибирь с надеждой обрести настоящее дело и подлинные смыслы.

Список литературы

1. *Мамин-Сибиряк Д. Н.* Полн. собр. соч. : т. 1–12. Т. 8. Пг. : Т-во А. Ф. Маркс, 1917. 503 с.

2. *Пращерук Н. В.* Роман «Именинник», или «Рудин» 1880-х // Творческое наследие Д. Н. Мамина-Сибиряка: итоги и перспективы изучения : [К 160-летию со дня рождения и 100-летию со дня смерти писателя] / под общ. ред. [и с предисл.] О. В. Зырянова. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2013. С. 228–241.

И. В. Фирсаев (Екатеринбург)

«Другой» рассказчик: проблема центра и окраины в сказе П. П. Бажова «Дорогой земли виток»

Тема *отношения к этническому «другому»* является актуальной как в сказах Бажова периода «замкнутости» уральского мира, так и в сказах утопического цикла¹. Одним из таких сказов является «Дорогой земли виток» (далее – ДЗВ), уникальность которого состоит в том, что позицию рассказчика занимает этнический «другой», в то время как во всех остальных сочинениях писателя в этой роли всегда – русский мужчина. Я неслучайно написал «мужчина» вместо «человек», потому что в нашем

¹ Подробнее о принципе циклизации в творчестве Бажова см.: [3, с. 308–316].

случае речь идет именно о рассказчице – бабке Кумиде «с Алтая», которую освобождает отряд красных партизан «Северный боец».

В активном свертхтексте у бабки Кумиды есть функциональный двойник – девка Азовка из сказа «Дорогое имечко» (далее – ДИ). Выделим основания этого сходства: гигантизм («Это оказалась старуха такого большого росту, что редко встретишь» – ДЗВ; «...сильно большая была. Прямо сказать, великанша» – ДИ²); мотив врачевания («...девка сгребла раненого в охапку, ... и давай за им ходить – водой там смачивать, раны перевязывать» – ДИ; «Вскоре мы все узнали, что бабка Кумида – лекарка знатная» – ДЗВ); мотив тайной силы («Тайная сила в ей, видно, гнездовала» – ДИ; «...могла она кровь останавливать» – ДЗВ); образ абстрактного инородца («Были они не русьски и не татара, а какой веры-обычая и как прозывались, про то никто не знает. По лесам жили. Одним словом, стары люди» – ДИ; «Ни раньше, ни позднее не слыхивал я такого имени. Звали ее Кумида. Думали сперва – раскольница либо какой другой нации. Но тоже не подходило...» – ДЗВ); трансгендерный мотив («... хоть штаны на такую надевай» – ДИ; «Не всяк *молодой* (здесь и далее курсив в цитатах мой. – И. Ф.) за мной угонится, в места кругом знаю *не хуже доброго охотника*» – ДЗВ); хорошее (для инородца) знание русского языка («...а девка обратно от его русьский разговор переняла, да так скоро, что просто удивленье» – ДИ; «...по-нашему говорила без всякой оплошки» – ДЗВ); репрезентация правильной жизненной установки («Открылось мне это, когда я поглядел, как вы тут по золоту без купцов ходите. Будет и в нашей стороне такое времячко, когда ни купцов, ни царя даже званья не останется. Вот тогда и в нашей стороне люди большие да здоровые расти станут» – ДИ; «Всем наговаривает, будто большевики ладно придумали, что без хозяев легче и светлее станет жить» – ДЗВ); мотив заточения (героиня ДИ заперта в горе, героиню ДЗВ взял в плен купец).

Разумеется, следует сказать и о различиях в образах героинь: это возраст, масштаб колдовства (которое в ДЗВ даже не называется «тайной силой»), место жительства («старые люди» живут в пещерах Уральских гор, Кумида – «родом с Алтая»). Но главным отличием более раннего женского образа (Азовка) от более позднего является то, что Бажов не пытается говорить от лица женского персонажа больше, нежели того требует сюжет. В то же время, в ДЗВ Кумида рассказывает историю о русском путешественнике Атласове и Красной площади, странным образом недопустимую ее «московскому» двойнику-рассказчику – Васе Стриженому

² Здесь и далее произведения Бажова цитируются по изданию: [1].

Усу. Прежде чем раскрыть явную парадоксальность этого поворота, определим терминологический аппарат нашей работы.

«Если Ницше и Деррида могут занимать позицию женщины и говорить от ее лица, то только потому, что эта позиция свободна, более того – не может быть занята женщиной», – эти слова из эссе «Насилие риторики» Терезы де Лауретис [6, р. 32] с замечательной точностью демонстрируют сразу два процесса, две тенденции, существующие внутри дискурса между доминирующей и подчиненной во «внешнем мире» социальными группами: объективацию и апроприацию. Первая, вкратце, означает, что на некий субъект смотрят как на объект и таким образом устанавливают отношения *доминирования*. В художественном тексте это происходит всегда: персонажи, которые принимаются читателем за живых людей с собственными мотивами, действуют по воле автора. Также и, например, Киплинг, рассказывая индийскую легенду, тем самым утверждает, что индийцы ее рассказать не могут. Результатом такого подхода становится апроприация.

Апроприация, как понимают ее социологи и культурологи, это символическое присвоение одной культуры другой. В частности, возможность говорить за другую культуру от ее имени. Как следствие колониального (или имперского) насилия, возникает такой дискурс, в рамках которого одна культура «знает» другую лучше, чем та знает сама себя, и это делает подобные высказывания (одной культуры о / от лица другой) авторитетными [5, с. 63]. Так в процессе и после колонизации Индии появлялись как целое «индийцы», Америки – «индейцы» (!), и т. п. воображаемые общности, обладающие неким набором мировоззренческих свойств и особенностей, как правило, несовершенным или вторичным по сравнению с системой ценностей колонизаторов.

Были ли у Бажова-писателя мотивация и возможность проделывать подобные операции? Поскольку они служат знаком авторитета и, одновременно, обозначаются «причиной» его установления в данном символическом режиме власти, то нужно установить: а) был ли Бажов причастен к этому символическому порядку, и б) было ли это случайным, побочным следствием его деятельности, или он стремился к этому целенаправленно?

На первый вопрос ответить несложно. Само положение писателя (а тем более писателя-«классика») в Советском Союзе, как при Бажове, так и позднее, было окружено ореолом почтения. Писательство считается одной из важнейших культурных практик – и в общеобразовательном контексте (ликвидация безграмотности), и в отношении формирования принципиально нового типа человека: квалифицированного, прогрессивного

пролетария, вооруженного эффективной идеологией марксизма-ленинизма. Такая среда, которая обеспечивает высокую «проводимость» и авторитет художественных текстов, стимулирует обратную связь читателя с автором, – объективно подталкивает писателя к стремительному развитию. Разумеется, лишь в том случае, если его работа получает статус «текста» через институты печати и критики, что было возможно при Сталине только благодаря следованию в тексте императивам соцреализма.

Оговоримся, что под «развитием» здесь мы понимаем всякое изменение идейно-эстетического содержания текста, а не только его усложнение или приближение к некоему заданному автором идеалу. Этот подход позволит избежать ненадежной оценочности и более объективно проанализировать материал исследования.

Хотя Бажов позиционировал себя в качестве «фольклориста», стараясь избежать всех последствий, связанных с «авторством», его (само-?) мистификация была довольно быстро разоблачена. Авторское (авторитетное) начало слишком отчетливо проступало в его текстах. Причиной этому было то, что, как отмечала дочь писателя, «сюжеты, образы, местные словечки», которые собирал Бажов, «могли служить только самому автору» [2, с. 21]. Следствием такого специфического подхода к фольклору стала характерная для сказов Бажова невозможность четко разграничить фольклорный и авторский текст. С другой стороны, таким образом возникла авторская мифология Урала, сегодня многими воспринимаемая как народная. Произошел своего рода «символический обмен»: Бажов «взял» из фольклора то, что ему казалось полезным (см. в сборнике 1939 г. реплику одного из персонажей, предвещающую собственно тексты: «Вырастешь – тогда и разбирай, кое быть, кое небылица» [3, с. 305]; Бажов, очевидно, к 57 годам уже «вырос»), а затем «отдал» фольклору свой текст, добровольно отказавшись от авторства. Такой символический обмен повторяется в политическом измерении текста.

Пространством символического обмена в ДЗВ становится Красная площадь: «Знал [Атласов] и то, что есть там площадь, – Красная называется. Самая главная, не то что для Москвы, а и для всей нашей земли». Главная эта площадь вот почему: «на Красной площади самый дорогой земли виток. Такого нигде больше не найдешь, потому как там крупинки со всякого места есть».

Знание становится залогом такого символического обмена. Слова Кумиды: «что ее вровень с другими городами ставить нельзя, это мы, коим по дальним местам жить привелось, *знаем*, может, лучше твоего» актуализируют мотив парадоксального знания (Вася

не знает Владимира Атласова, хотя ситуация, очевидно, должна быть противоположной). Разгадка здесь, по-видимому, состоит в зависимости смысловой нагрузки знания от его доступности. На Москву «оглядываются» в силу не «объективных» политических и военных процессов, но символического обмена, который эти процессы прикрывает.

Каковы причины символизации колониального процесса в позднем сказе? По-моему, вслед за Джеком Зайпсом³ такую перверсию следует связать с историческим изменением режима власти, трансформацией модернистского советского дискурса в имперский. Модернистский опыт власти – травма (разрыв с традицией), которую необходимо преодолеть, и это преодоление всегда в будущем. Переживая травматический опыт, революционер Бажов пишет антиколониальное ДИ, в котором незнание «другого» становится камнем преткновения на пути к богатству как для распоясавшихся казаков, так и для рассказчика, надеющегося на будущие поколения. При Сталине модернистский дискурс трансформируется в имперский, для которого характерно, напротив, ощущение всепобеждающей силы. С другой стороны, меняется и положение Бажова. В середине тридцатых встает под вопрос его участие в авторитетном – писательском – дискурсе: 1933 г. становится годом первого исключения из партии, 37-й – второго. В 40-х гг. Бажов восстанавливает (в частности, через коллективный опыт Великой Отечественной войны и приобретение статуса депутата) писательский авторитет, который распространяется все дальше за пределы родного Урала.

Как показал Эдвард Саид, предпосылкой комплексного «знания» о «другом» является военное и экономическое превосходство, экстраполируемое на образ взаимодействия двух культур. Бажов, действительно участвовавший в боевых действиях у реки Тары, где происходит действие ДЗВ, избегает упоминания о противостоянии красных партизан и местного населения. Общим для ДИ и ДЗВ является наличие более радикального, нежели этнический, «другого» – алчных казаков, колчаковцев или купцов, которые – из-за своей жажды наживы – повинны в негативных последствиях колонизации. Павел Петрович и сам – «житель дальних [от Москвы!] мест», и, хотя такая имажинативная география сформировалась насильственно при отрицательно оцениваемом символическом порядке власти, для писателя оправдание аналогичного конструкта, окончательно сложившегося в послевоенное время, – единственный способ не утратить связи с авторитетным дискурсом, благодаря которому он (как депутат) способен осуществлять властные полномочия в интересах своих земляков (см.: [4]).

³ См. анализ аналогичной литературной ситуации в Германии 20–40-х гг. XX в.: [7, р. 169–193].

Список литературы

1. *Бажов П. П.* Соч. : в 3 т. М. : Гослитиздат, 1952. [Электронный ресурс]. Т. 1. URL: <http://lib.ru/TALES/BAZHOV/skazki1.txt>; Т. 2. URL: <http://lib.ru/TALES/BAZHOV/skazki2.txt> (дата обращения: 29.11.2016).
2. *Бажова-Гайдар А. П.* Глазами дочери / предисл. Е. Пермяка. М. : Сов. Россия, 1978. 192 с.
3. Бажовская энциклопедия / ред.-сост. В. В. Блажес, М. А. Литовская. Екатеринбург : Сократ : Изд-во Урал. ун-та, 2007. 640 с.
4. Мастер, мудрец, сказочник. Воспоминания о П. Бажове / сост. В. А. Стариков. М. : Сов. писатель, 1978. 590 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://litena.ru/books/item/f00/s00/z00000048/> (дата обращения: 29.11.2016).
5. *Саид Э.* Ориентализм. М. : Рус. мир, 2006. 640 с.
6. *Lauretis T. de* Violence of Rhetoric: Considerations on Representation and Gender // Technologies of Gender. Bloomington ; Indianapolis : Indiana University Press, 1987. P. 31–50.
7. *Zipes J.* Fairytale and the art of subversion: the classical genre for children and the process of civilization. London ; N. Y. : Routledge, 2006. 254 p.

М. А. Литовская, М. В. Прохорова (Екатеринбург)

Поиск вариантов описания дореволюционного детства в детской литературе Урала 1930-х гг.: «Подростки» Б. С. Ицына и «Зеленая кобылка» П. П. Бажова*

Важной задачей советского государства было создание детской литературы, рассказывающей об истории Советской страны в соответствующем – советском – ключе. Создание авторами, живущими в различных регионах, некоторого числа таких текстов, выбор из них наиболее отвечающих воспитательным и образовательным задачам, затем их широкое

* Статья подготовлена в рамках реализации конкурсного проекта фундаментальных научных исследований РГНФ на 2016–2018 гг. «На границе литературы и факта: языки самоописания в периодической печати Урала и Северного Приуралья XIX – первой трети XX века» (№ 16-14-00118).

© Литовская М. А., Прохорова М. В., 2017